

Это будет эссе о любви.

Это будет эссе о варгане и о любви.

Потому что **варган** во всех смыслах предмет, любви достойный. Он маленький, доверчивый и нежный. Он требует от нас внимания, заботы и ласки. Он способен на нас обидеться, попав в чужие руки. Варган отзывчив, верен; он способен нас понять, раскрыть, поднять на новую высоту; он ничего от нас не ждёт и не требует своего, но он ведёт нас к одной ему видимой цели, настойчиво и неуклонно, стоит только довериться ему и открыться. Отношения с варганом, если уж они возникли, чаще всего бывают долгими, союзы – крепкими. Можете быть уверены: в этом союзе не будет выяснений отношений, мелочных нервотрёпок, обманов и измен – разве что на первых порах, пока идёт привыкание друг к другу, пока вы ещё не поняли со всей неизбежностью, что из всего великого множества музыкальных инструментов варган – единственное, что вам нужно. Но уж если вы решили связать с ним свою жизнь, будьте уверены, что жизнь эта будет полна новых открытий, интриг, соблазнов и ещё много чего такого, о чём вы и помыслить не могли, с варганом не столкнувшись.

Итак, это эссе о моей любви к варгану. Впрочем, почему только моей? Каждый **варган ист** утонувший в этой теме если и не с головой, то хотя бы наполовину, почитает себя в ней знатоком. Каждый, у кого начинает получаться первые осознанные звуки, кто становится способен повторить простейшие ритмы и их сочетания, уже мыслит о себе в превосходной степени и почитает варган чем-то, принадлежащим только ему одному, а себя – единственной правдой в последнем изводе во всём, что касается его варгана.

И кто сможет с этим поспорить? Ведь **варган** как никакой другой инструмент предназначен для игры самому себе. Об этом говорит уже тот факт, что внутри головы звуки слышатся не так, как воспринимают их окружающие. То есть мой варган – он только мой и ничей ещё. Как и мой внутренний мир – только мой и ничей больше. И тем удивительней, тем пьянящей бывает чувство столкновения с другими варганистами. Оно, наверное, похоже на чувство аутиста, вдруг проклюнувшегося из своей изоляции. Это ни с чем не сравнимое чувство, когда ты вдруг вынырываешь из варганного забытья, где есть только ты и производимые тобой вибрации, и обнаруживаешь, что мир полон! Что в нём есть другие варганы, другие варганисты, - а также традиции, культуры, истории, вопросы и догадки, открытия, домысли – и музыка, музыка, музыка. И ты оказываешься не один такой бряцатель, ударенный головой, а много их, и все в этом так же безумны!

Не берусь судить, бывают ли подобные чувства у людей, выросших в национальной варганной культуре, для кого этот инструмент знаком с детства, однако русские варганисты, я уверена, меня поймут.

Так уж устроен человек, что он всё сравнивает с собой любимым. И так уж устроен **ва рганист**

, что обнаруживая рядом с собой другого варганиста, он сразу признаёт его своим. В нашем восприятии варган помещён в зону интимную, в зону нашего внутреннего я. Туда же мы автоматически помещаем и другого-с-варганом. Потому что этот другой имеет принадлежность ко мне, ко внутренней части меня, к тому, что я знаю так хорошо. А в этой области могут существовать только самые сильные эмоции – от острой и резкой симпатии с первого взгляда, до такой же резкой и глубокой, до беспамятства, ревности. Как я заметила, среди варганистов, - варганистов на всю голову - не бывает среднего состояния: другой-с-варганом – он или я или НЕ я, а третьего, ровного отношения нам не дано. Впрочем, симпатии обычно преобладают. Сложно выразилась? Об этом вообще сложно говорить. Это как узнавание, как нити, протянутые между людьми – такие тонкие, но такие ясные, что их и уловить трудно, хотя и сомневаться в них не приходится. Однако я уверена, многие варганисты знают это чувство, когда вдруг некто, кто, быть может, живёт вообще на другом краю земли и не схож с тобой ничем, кроме железной брэнчалки во рту, становится необъяснимым образом ближе, чем родственник, живущий с тобой бок о бок и железяки такой не имеющий.

Да что уж говорить о музыкантах, если и у людей, на варгане не играющих, но знающих его, он вызывает схожие ощущения! Однажды в Нью-Йорке, когда я играла в Washington Square Park с пожилыми хаппарями, грузный мужчина, похожий на индейца, вдруг потянулся ко мне, как к знакомой: "О, варган! Я знаю эту штуку! Ты откуда?" И, узнав, что я из России, стал быстро и возбуждённо рассказывать, что знает Россию, что был там, ну, не то, чтобы был, не то, чтобы там, но он видел её через пролив – оказалось, он сам из Аляски... Варган, обратившись к его глубинной памяти, вызвал воспоминания детства – и из Аляски замаячили туманные берега России. И ещё: этим летом на конгрессе варганистов в Якутске, в пьяном, прокуренном клубе, где даже стены пульсировали от варганных вибраций из колонок, когда на сцену по очереди выбирались музыканты со всех концов мира, я вдруг столкнулась с девушкой-якуткой, которая так же прыгала на танцполе с хомусом – Готовцева, как и у меня. Мы стали играть вместе, склонившись, почти обнявшись, но всё же практически не слыша друг друга в общем бедламе, только улавливая ритм по движению рук. А когда это наваждение прошло, она повисла у меня на шее и, сбиваясь, стала говорить, что теперь мы родные, мы сёстры, ведь хомус – это так глубоко, это лично, это вот тут – и тыкала себе в ярёмную впадину... Я до сих пор помню эту маленькую, красивую, гибкую и женственную, как все якутки, девушку с пьяными, блестящими, восторженными глазами, хотя больше не встречала её в те дни.

Почему же так происходит? Почему вообще варган затрагивает такие сильные пласты нашей сущности? Если отбросить всякую эзотерику, которая просится здесь, станет видно, что варган вхож в зону нашего интимного восприятия хотя бы уже по звукоизвлечению. Рот, губы, язык, - эта область связана с нашими самыми ранними чувственными переживаниями, с бессознательными ощущениями, заложенными в первые дни жизни и потом повторяющимися только в сакральные её моменты. Несомненно, игра на варгане вызывает в нас отголоски именно этих переживаний, хранимых в памяти тела как самое дорогое и оберегаемых даже от самих себя. Ни один другой инструмент не может проникнуть в эту потаённую, закрытую со всех сторон, крепко запечатанную зону. А варган – может...

А ещё прибавьте сюда ощущение транса, достигаемого за счёт вибраций в черепной коробке, состояние эйфории от насыщения лёгких кислородом при игре... Если захотеть, объяснить можно всё, вот только стоит ли? Ведь это эссе о любви, а любви объяснения не нужны. Ей нужны истории, бережно хранимые в памяти воспоминания. Например, о первом знакомстве. О, это как раз то, что лелеют многие варганисты!

Расскажу и я свою. Моя личная история знакомства с варганом протекала в два этапа. Точнее, в три, но если за два первых знакомилась с варганом я, то на третий варган знакомил меня со мной самой.

Итак, мне было лет двадцать, я училась в Москве и гостила на зимних каникулах у родителей в маленьком городке на Волге. В то время моих знакомых почти не осталось в городе, дни протекали однообразно. Но случилось так, что именно тогда там оказался мой очень старый друг, человек сам по себе незаурядный, который заслуживает отдельного рассказа. Но сейчас не о нём. Так вот, он в те дни только вернулся с Алтая, где провёл два года в духовных исканиях и мытарствах, и я, разумеется, не преминула воспользоваться случаем, чтобы с ним встретиться и прикоснуться к той мудрости, что он привёз. А привёз он помимо всего прочего маленькую жёлтую безделушку – комус Владимира Поткина.

Будучи не чуждым эзотерики, знакомый преподносил безделушку как **предмет силы, шаманский инструмент**, равнозначный бубну, и **ключ к иным мирам**. Будучи человеком упрямым, я в течение часа безуспешно пыталась пристроить

шаманский ключ у себя во рту, но он не менее упрямо отказывался там держаться. Знакомый оказался учителем никудышным. Сбив себе губы в кровь, я ушла от него с чувством неудовлетворённости и презрения к упрямой латунной прищепке.

Прошло полгода. На многолюдном литературном слёте в простуженном осеннем подмосковном пансионате из пьяной хмари творческих личностей вдруг выплыл поэт, вооружённый помимо литературной одарённости ещё и двумя варганами. Кутаясь в длиннющий полосатый шарф, качаясь не то от избытка вдохновения, не то от алкоголя, он играл на них быстро и упоённо. Он сопровождал этой музыкой все поэтические заседания, которые проходили в те дни. На них обычно читаются стихи по кругу, а на дым от бесчисленных сигарет можно лёгко вешать топоры.

Женщине трудно устоять перед мужчиной с варганами. Не будучи поэтом, я таскалась на эти заседания, какая-то неодолимая сила тянула меня – посидеть, послушать стихи, подышать поэтическим угаром и утонуть в звуках варгана.

Начался месяц неразделённой любви. В то время я жила в коммуналке, большой квартире, которую снимала одновременно куча народа, но всем там находилось место и кусочек тепла. Поэтический варганист, тоже, как оказалось, не имеющий в Москве постоянного угла, скоро очутился там – не без моей помощи. Я не отпускала его, таскалась за ним хвостом и при каждом удобном случае играла на его варганах. К моему огромному удивлению, играть теперь получилось с первого раза. Как будто не было бесплодных попыток овладения этим инструментом, как будто все шесть месяцев, прошедших с первого моего с ним соприкосновения, тело помнило этот опыт и... научилось само!

В общем, мой варганно-поэтический роман закончился, так и не начавшись: в один прекрасный день я пошла и купила себе тот самый золотой ключик от шаманских миров – комус Владимира Поткина. Охлаждение к поэту пришло тут же, как отрезвление: оказалось, варганы – это всё, что мне было от него нужно.

С этого момента начался третий этап моего знакомства с варганом, самый упоительный, когда поистине стали открываться другие миры – новых звуков, новых ощущений, состояний и новых интересных людей. И этап этот продолжается до сих пор.

